

Житие мое

Когда я была маленькой, у меня Папа работал в милиции. А Мама сидела в тюрьме... Папа сейчас на пенсии. А Мама снова отбывает.

Еще, когда я была маленькой, то влюбилась в бандита. Как в песне:

А он не знает ничего,
Он просто смотрит и молчит.
И ничего не говорит¹.

Поэтому я жутко стеснялась своего чувства, потому что песня про это была дурацкой. Ну как дурацкой... Девчонкам нравилась, они загонялись под «Пропаганду» и «Свету», а я уже то-

¹ Цитата из песни «Он не знает ничего» группы «Краски».

гда понимала (никто мне не объяснял), что... ну, что-то с этими песнями не то. Типа у меня вкус был. Хотя какой у меня вкус, я вон теперь «Глухаря» пересматриваю время от времени. Там актер занятный. Не тот, который главный, а тот, который *баба-яга против*.

А парень тот вовсе и не был бандитом. Просто, как говорится, не с той компанией связался. Он был нашим родственником.

Нет, я не в родственника нашего влюбилась. Просто... Ну ладно, все по порядку.

Меня вырастила бабушка Хаят (с Маминой стороны). А потом уже после девятого класса, когда поступила в пищевой техникум и переехала в Буре, познакомилась с бабой Люсей (со стороны Папы).

Ох и тяжело было с Хаят! Я это впервые осознала на автовокзале, когда, наконец, почти вырвалась на свободу после стольких лет бабушкиного плена. Мне, оказывается, памятник ставить надо за долгое терпение. До этого, в условиях домашнего деспотизма, приучила себя вовремя

отрешаться и смиренно дожидаться окончания грозы чужого настроения. Всякие надежды на справедливость, милосердие в притихшей моей душонке забивались и заканчивались вполне определенными выводами, одинаково неутешительными и болезненными.

Ой-ой, на последние два предложения не обращайтесь внимания. Это спутались мои обычные мысли и мой великий замысел. Я пишу роман о похищенной незаконнорожденной фрейлине. Ну, что-то в духе Барбары Картленд: «Леди и разбойник» или «Призрак в Монте-Карло». У меня обычно строгац: в дневниках как бог на душу положит, а в нетленках все как надо: по-книжному, со сложносочиненными и сложноподчиненными.

В отместку злой доле и бабке я иногда тихо поддѣла, совершала в отношении же себя *противоправные действия*: читала в темноте, жрала после школы снег. И ладно бы чистый, но нет, с проезжей части. Это называется: назло маме уши отморожу. В моем случае — назло бабке. В общем, делала все то, на чем сложно подловить. Поэто-

му выросла аккуратной, скрытной и с полным отсутствием живых впечатлений, как у комнатного цветка.

Ясное дело, раз пишу книгу, вывод напрашивается очевидный: говорить со мной не о чем. Это я и сама про себя знаю. Постоянно чего-то недопонимаю в своих взаимоотношениях с людьми, чувствую беспомощность на близкой дистанции с ними. За неимением лексически осмысленных сочетаний звуков и грамматически верного порядка слов, отражающих нормальность, разумность происходящего, заполняю образовавшийся вакуум буквенными обозначениями и печатными символами. Такой беззаветной преданности, такого преклонения перед чужим текстом не одобряли даже мои учителя словесности. Я же не помню их лиц, потому что на уроках редко отрывала взгляд от бумаги. Зато творчество авторов, их образы до сих пор ассоциируются, вернее, не отделяются, от того, в каком виде их книги впервые ко мне попали. И при упоминании, например, Бунина в голове сразу всплывает тот самый потрепанный голубо-

ватый пятитомник с золотым орнаментом и завитками под черными прямоугольными буквами. А при имени Мопассана перед глазами возникает собрание сочинений серого цвета с бесцветным рельефным тиснением по краям.

Короче, любить меня такую может лишь бабка Хаят. И то с оговорками. Но бабка тоже считает себя страдальцей. Она при живых родителях в одиночку поднимает сироту. Ей тоже памятник ставить надо. Зато сама себе хозяйка. Строит быт по своему разумению. Никто ей ничего не запрещает.

Присутствие Хаят — это отсутствие всех земных радостей, их полноты; вынужденный аскетизм, противоестественный детству и отрочеству. И пока вижу ее постное, бесстрастное лицо, значит, все идет по-старому. Вернее, сама я составила наперед. И нет ничего тоскливее того, как Хаят с мрачным, безразличным видом сухо перемалывает дряблой челюстью кусок сочной колбасы. Ей невдомек, что нельзя злоупотреблять сильной старостью, тратить впустую чужие

годочки, распространять на маленьких и слабых свой образ жизни и не замечать вкуса еды. И вряд ли мне еще скоро придется самостоятельно выбирать себе нормальное нижнее белье, а не то, что Хаят мне вечно подсовывает. Кому рассказать про рейтузы, не поверят — засмеют.

И все это в отличие от девушек в привокзальном кафе. Им никто не запрещает в одиночку выбираться в публичные места, заказывать пиво, смолить одну за другой сигарету, для привлечения внимания громко смеяться. У них-то точно нет никаких бабушек. Появившись на свет, сразу стали себе хозяйками, никто за ними не смотрел. Хотя Хаят таких презирует: плюется, сверлит глазками, морщится, обзывает плохими словами.

Лучше, конечно, задохнуться от ее тяжелой любви, нежели впасть в немилость. Папа и его родня наверняка заработали себе все болезни и несчастья разом под многолетним градом ее проклятий и желчи. С Хаят не страшно выходить на улицу (у нас даже собаки во дворе нет). Всех пристыдит, на всех управу найдет.

Помню, как тогда подъехал автобус и Хаят, заняв оборону на входе в салон, стала суетливо продвигать меня с сумками вперед, отпихивая остальных пассажиров. И сильно горячилась, беспокоилась, когда я ненарочно задерживалась в проходе.

Всю дорогу Хаят дремала, но одним подслеповатым глазом была настороже. Постоянно проверяла на коленях содержимое сумки, недоверчиво оборачиваясь на молодого человека подозрительно приятной наружности, еще в начале пути имевшего неосторожность дежурно мне улыбнуться. Всякие там намеки Хаят, как правило, своевременно пресекает, испепеляя молниеносным взглядом и крепким словцом.

А я, боясь пошевелиться и разбудить ее, читала. Иногда наблюдала в окно за скучными перелесками. У нас ведь не юг и не север, и даже не запад, чтобы любоваться проплывающими в окне красотами. У нас Приуралье, и этим все сказано. Ни то ни се. Как это у Гончарова, которого мы в этом году будем проходить: *«Нет, правда,*

там моря, нет высоких гор, скал и пропастей, ни дремучих лесов — нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого». Зато говорят (по телевизору), что у нас высокий уровень оргпреступности. Уж я потом в этом воочию убедилась. Правильно, если смотреть на карту, то сверху — казанская, справа — уралмашевская, снизу — казахская, а слева — вообще не пойми какая.

Дурной пример заразителен.

...Пансион под названием «Дом Воке» открыт для всех — для юношей и стариков, для женщин и мужчин, и все же нравы в этом почтенном заведении никогда не вызывали нареканий. Но, правду говоря, там за последние лет тридцать и не бывало молодых женщин, а если поселялся юноша, то это значило, что от своих родных он получал на жизнь очень мало. Однако в 1819 году, ко времени начала этой драмы, здесь оказалась бедная молоденькая девушка...¹

¹ Оноре де Бальзак «Отец Горио». (Здесь и далее цитаты из книг Бальзака приводятся по переводу Евгения Корша.)